

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 821.161.1

Т. ОСУХ,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского литературоведения
Института нефилологии Академии Поморской в Слупске (Польша)*

Г. ЛИСОВСКА,

*кандидат филологических наук,
директор Института нефилологии Академии Поморской в Слупске (Польша)*

«ПЛАТОНОВ» А.П. ЧЕХОВА В ПОЛЬШЕ

В статье предпринята попытка показать рецепцию юношеской драмы А.П. Чехова «Платонов» в Польше. Анализ критической литературы позволяет сделать вывод, что польские литературные критики подчеркивают в своих научных трудах недостатки и достоинства драмы, замечая при этом, что она дает начало великой, зрелой чеховской драматургии. Критики сравнивают образ главного героя пьесы с образом Дон Жуана, Арлекина, русского Гамлета. Между тем, как справедливо подчеркивают ученые, Чехов сделал многое, чтобы он не до конца был похож на легендарных соблазнитель.

Ключевые слова: драматургическое произведение, театральная постановка, конфликт, комедия, характер героя, польская интерпретация русской классики.

Чехов А.П., индивидуальность которого заключается в том, что он совершил новаторский переход от русской классики к современной литературе, продолжает оставаться одной из центральных фигур для исследователей.

В первую очередь это касается его драматургии, которая не перестаёт быть обсуждаемой и получает новое осмысление как на родине писателя, так и за рубежом.

Поэтому восприятие драматургии Чехова, и в частности пьесы «Платонова», находится в русле современных исследований также польских литературных и театральных критиков.

За последние более чем 40 лет исследователи «Платонова» дали интересные, хотя и нередко противоречивые оценки в литературных статьях и театральных рецензиях [1; 2; 3; 4]. И ничего удивительного. Ведь эта юношеская пьеса с самого начала считалась наиболее спорной, и литературной критикой не была допущена в канонический список его лучших драматургических произведений. Драма считалась наивной и громоздкой, в полном объёме крайне трудной для сцены, многих шокировала наличием поставленных в ней вопросов. Поэтому она «попала в немилость» на многие десятилетия. И всё же её роль в становлении Чехова-драматурга трудно переоценить.

В Польше пьеса «Платонов» появилась в 1960 г. в переводе А. Тарна на страницах журнала «Диалог» и чаще всего под тем же заглавием её ставили и ставят на польских сценах [5]. Она стала предметом интересного, дискуссионного анализа самых крупных авторитетов в области литературы и театра.

Авторы статей затрагивают широкий спектр вопросов, начиная с генезиса пьесы, эволюции её восприятия на родине писателя и за рубежом, рассматривают её под углом литературных и театральных достоинств.

Наиболее интересные литературоведческие интерпретации вышли из-под пера Е. Кенига, Р. Сливовского, Р. Пшибыльского. Не следует, однако, забывать и о рецензиях на театральные постановки, которые также имеют немаловажное значение в популяризации этой драмы в Польше, особенно с точки зрения её театральных возможностей.

В 1962 году вышла в свет интересная статья Е. Кенига «В сторону «Платонова», которая содержала, как нам кажется, самый обстоятельный и исчерпывающий литературный анализ юношеской драмы выдающегося русского драматурга-новатора в Польше шестидесятых годов [6]. Е. Кениг положил начало ряду интересных работ, а толчком к критическому анализу был перевод драмы упоминавшимся выше А. Тарном. Автор статьи, размышляя над сутью драматургии Чехова, ставит вопрос: «Как понимать и как интерпретировать эту довольно необычную в мировой литературе драматургию, считать ли театр Чехова овеянным сентиментальной дымкой или глубокой лирикой?»¹ [6, с. 117]. Решение этой задачи, как полагает автор, имеет принципиальное значение. Он считает, что на раннем этапе инсценирования пьеса Чехова доставляла много хлопот, всё же по жанру она была более однозначной, чем последующие его драматургические произведения. Из рассуждений критика вытекает, что она написана вопреки театральным традициям. По мнению Е. Кенига, проблемы, затронутые в пьесе, никак не вмещаются в одном спектакле, зато любое сокращение варварски её обедняет. Итак, в зависимости от того, как пройдут «ножницы» постановщика, зритель будет смотреть разные пьесы. «Платонов», по мнению автора статьи, является драмой о русской интеллигенции, о людях, которые «едят, пьют, спят и умирают» [6, с. 118]. Несомненно, прав А. Кениг и в том, что многие из персонажей пьесы позже найдут своё место в зрелых пьесах Чехова. Некоторые мотивы и реквизиты юношеской драмы писателя будут варьироваться в последующих его драматургических произведениях. Автор статьи обращает внимание, на наш взгляд, на один очень существенный фактор, а именно на то, что в «Платонове», в отличие от зрелых пьес Чехова, персонажи пытаются понять друг друга, они ещё готовы к диалогу. В драматургических произведениях написанных позже, преобладает монолог; там действующие лица ведут беседы сами с собою, говоря только о себе. Дополняя мысль автора, можно сказать, что они будут разговаривать на разных языках, т. е. окажутся обречёнными на одиночество в толпе.

Значительную роль, по Кенигу, Чехов уделит типичным русским женщинам, раскрывая в пьесе их характер, поведение, красоту, общественный статус. Они явились, особенно в этом произведении, центром, вокруг которого разворачивалось действие. Женщины ищут главного героя, а его отношение к ним, невзирая на некоторые отличия, автор статьи сравнивает с поведением Дон-Жуана.

Характерной в этом плане является статья Я. Гузе «Пьеса о русском Дон-Жуане». Автор считает, что проблема Дон-Жуана в «Платонове» помещается на первый план. «Чтобы ни сказать о «Платонове», каких бы ни искать в нём проблем и сценических форм, вопрос Дон-Жуана играет первостепенную роль» [7, с. 9].

Продолжая свои размышления, Я. Гузе приходит к выводу, что русский Дон-Жуан, Платонов, отличается от своего прототипа отсутствием великолепия, а его зло лишено блеска. Автор разделяет мнение многих критиков о том, что Дон-Жуан Чехова – «Платонов» превосходит других сознанием и способностью к сложному мышлению. «Сознающий свою недюжинность и одновременно свое поражение, он ищет компенсации в любовных завоеваниях, которые имеют для него самые тяжёлые последствия» [7, с. 9].

«Платонов» – это комедия о легкомысленном болтуне. Девальвация слова, считает автор, означает по сути своей, кризис традиционной человеческой философии.

Статья А. Виртха «Донжуанство как критика эпохи» является рецензией на первую постановку «Платонова» А. Ханушкевичем. Она выдержана в духе многих анализов пьесы, появившихся в 60-е годы. Автор, как вытекает из заглавия статьи, затрагивает проблематику донжуанства. Критик обращает внимание, как ни парадоксально, на отсутствие у Платонова страсти к женщинам. «Он обречён на женщин, невзирая на то, что их постоянно избегает. Его жизненная философия действует на них как магнит» [8, с. 12]. Действительно, они соблазняют и любят его, он же лишь неумело противится деятельным их попыткам. В

¹Все цитаты даны в переводе авторами статьи.

любовных коллизиях Платонов – пассивная, даже страдающая сторона. Однако поведение женщин, по мнению критика, в некотором смысле оправдано – им в чеховской пьесе некого любить.

Мотив Дон-Жуана, русского Гамлета или Арлекина доминирует во многих последующих рецензиях на постановки «Платонова». В этой связи существенную роль в постижении Чехова поляками сыграл выдающийся польский литературовед, автор нескольких очень интересных научных трудов о жизни и творчестве А.П. Чехова, Р. Сливовски. В своём анализе, касающемся драматургии русского классика, также и он затрагивает проблематику пьесы «Платонов», подчёркивая ее достоинства и недостатки. В пьесе, по мысли Р. Сливовского, нашли отражение основные черты новаторской поэтики будущего великого драматурга. «Платонов», по мнению критика, – это русская версия «Дон-Жуана», причём в образе главного персонажа идея о Дон-Жуане доведена до абсурда [9, с. 404].

Нельзя не согласиться с Р. Сливовским и в том, что эта пьеса – ключ к пониманию последующего драматургического творчества Чехова. Автор статьи считает, что все зрелые его пьесы – это своего рода автоплагиаты, которые выросли из «Платонова», с одной существенной разницей: в позднейших драмах писателя больше снисходительности, кротости, жизненного опыта, собственного зрелому драматургу.

Р. Сливовски разделяет мнение Е. Кенига в том, что именно в этом драматургическом произведении Чеховым были намечены ведущие темы, мотивы и сюжеты его будущих произведений. Ученый считает, что в «Платонове» Чехов разрабатывал структуру театральной пьесы, в которой наряду с текстом важную роль играют паузы, обрывочные фразы, бессвязные разговоры, скрывающие истинные чувства и мысли героев – элементы, впоследствии позволившие Чехову создать знаменитый подтекст его пьес. Во многих своих работах Р. Сливовски обращает внимание на размер пьесы, подчёркивая, что она значительно превышает по своему объёму среднюю драму. Её инсценировка требует многих сокращений, изъятия около двух третей текста, что может привести к искажению её основного смысла. Следовательно, в зависимости от характера сокращений, «Платонов» может приобретать различную тематическую направленность, о чём писал упомянутый выше Е. Кениг.

Свою лепту в постижении «Платонова» поляками внёс Р. Пшибыльски [10]. Ссылаясь на примеры спектаклей по пьесе «Три сестры» в постановке А. Ханушкевича, он обращает внимание на музыкальный характер пьес Чехова, чуть ли не отрицая смысловую сторону слов и предложений. Затем, опираясь на высказывания постановщика, проводит параллель между Платоновым и Арлекином из комедии дель арте.

Автор подчёркивал, что суть донжуанства легче всего выразить музыкой, и потому, по его мнению, Моцарт смог передать только в общем плане то, что высказал в своей опере Моцарт. Речь идёт о так называемом чувственном влечении, которое по природе своей лежит в основе музыкальной идеи [10, с. 142].

Р. Пшибыльски замечает, что в самом тембре мужского голоса содержится соблазняющая женщин так называемая «светлая нота». Без этой ноты болтовня Платонова имела бы совершенно иной характер. Следовательно, из рассуждений Пшибыльского следует, что задачей театра как пластического искусства является выявление в драме тех истин о человеке, которые не в силах передать литература, лишённая голоса живого человека.

Критик считает, что процесс дегероизации «лишних людей» начинается с юношеской пьесы Чехова в виде великолепной арлекинады [10, с. 143]. В подтверждение своих выводов он признает, что главный герой, как и Арлекин из комедии дель арте, лишён всякой морали. Он убивает души и разрушает жизнь многих из своих жертв.

По мнению ученого, как комическая опера Моцарта о Дон-Жуане, так и чеховская пьеса заканчивается согласно элементарным правилам морали. Героев ждёт тот же конец. Платонов, который стал моральным убийцей, должен погибнуть. Не спасёт его и жизненная философия, которой прикрывал он все свои грязные поступки [10, с. 143].

В конце своей статьи Р. Пшибыльски, подчёркивает, что Платонов – это тип мужчины с психологическими чертами мальчика. Его психика не соответствует его внешности. Женщины считают его Дон-Жуаном, настоящим мужчиной, объясняя его промахи то гамлетизмом, то ещё какой-то таинственной силой. Но на деле он всего лишь непокорный мальчик, превращающий все свои недоразумения с женщинами в фарс. Даже Достоевский, по мне-

нию автора, не показал столь комичного восхищения и коллективного преклонения женщин перед шутом, болтуном и комедиантом. Поэтому «Платонов», продолжает Пшибыльски, останется одной из наиболее мудрых, наиболее ироничных и поучительных комедий новейшего времени [10, с. 145].

В 1988 году на подмостках Театра Старого в Кракове состоялась премьера «Платонова» в постановке известного кинематографиста Филиппа Баиона. К сожалению, как считают многие рецензенты, с ролью театрального постановщика Баион не справился. В его спектакле нетрудно найти сцены, насыщенные бесцеремонностью, агрессивностью или даже вульгарностью. Баион, считает рецензент Д. Кшивицка, смотрит на спектакль глазами кинорежиссера, и таким образом выходит наружу его театральная неопытность [11, с. 13]. Мнение Кшивицкой полностью разделяет М. Микляшевски. Он упрекает Баиона в том, что тот пытается исправлять Чехова, ставя его пьесу, вопреки драматургу [12, с. 29].

В девяностые годы прошлого века особое впечатление произвели две постановки чеховского «Платонова». Оба спектакля поставил во вrocławских театрах (Польском и Камерном) Е. Яроцки. Первую постановку зрители увидели в 1993 году. Это был, по мнению рецензентов, мастерски поставленный, заставляющий думать спектакль [13, с. 6]. На этот раз главный персонаж ассоциируется у рецензентов не столько с Дон Жуаном сколько с уездным соблазнаем в спускающихся брюках и стоптанных башмаках.

Вторая постановка, состоявшаяся три года спустя, также вызвала много положительных откликов. Яроцки на этот раз сосредоточился на последнем, третьем, акте, который вычеркнул в своем прежнем спектакле, и таким образом возник «Платонов – акт упущенный». По мнению Б. Винницкой, постановка Яроцкого в Камерном Театре – это выдающийся, мудрый и одновременно трогательный спектакль. Рецензент сожалеет, что польский зритель имеет возможность видеть столь выдающиеся постановки крайне редко [14, с. 16].

Также в начале нашего века юношеская драма Чехова является одной из пьес, которые часто ставят в Польше. В этот период ставили ее К. Люпа, П. Мискевич, М. Клечевска, А. Глинска.

«Пьеса без названия» в постановке А. Глинской в варшавском «Театре Вспулчесном» (2009 г.) – это один из лучших и одновременно самых полемических спектаклей 2009 года. По его поводу возникло много противоречивых откликов, начав с полного его одобрения и закончив умеренной критикой. По мнению рецензента Я. Вакара, к постановке Глинской трудно придаться, так как она поставлена правильно. Все-таки надо сожалеть, продолжает Вакар, что это не самое значимое событие в варшавском театре Вспулчесном в 2009 году [15, с. 4].

Справедливости ради надо отметить, что спектакль был приурочен к шестидесятой годовщине театра и должен был стать главным театральным событием сезона. Постановщик в своей инсценировке к существующему уже переводу добавила найденные и до сих пор не переведенные фрагменты текста. Увы, и это не помогло. По мнению некоторых рецензентов, весь первый акт – это одна сплошная болтовня, не имеющая ничего общего с настоящей театральной игрой. Задействованные в нем лица следят только за тем, чтобы успеть высказать свою реплику, соответственно они не в состоянии одновременно справиться на должном уровне со своей ролью. Зрители же болеют за актеров, чтобы те успели справиться с текстом, не упустив при этом ни звука. Вполне закономерно в данном случае можно спросить, отдают ли они себе отчет в том, что говорят и как говорят. «Припаянные» к стульям играют всего лишь словом и гримасой. Из-за ограниченности движений актеры не в состоянии проявить своего мастерства. В первом акте, по мнению рецензентов, особо экспонируется техническая сторона. Полностью мнение рецензента в этом вопросе разделяет Темида Станкевич-Подхореска. Она не может понять некоторых сцен, которые, по ее мнению, ничего общего с чеховским миром не имеют (сцена разговора Платонова с генеральшей, во время которой она садится к нему на колени; сцена из второго акта, когда Саша, жена Платонова, увидев мужа, ни с того, ни с сего снимает трусы). Рецензент считает, что это неудачная попытка Глинской сделать Чехова более современным [16, с. 3].

И хотя некоторые рецензенты считают, что чеховский мир в спектакле Глинской трудно принять к сердцу, так как он слишком идеализированный, чересчур корректный, то в целом к нему трудно отнести равнодушно. Вполне это заключение разделяет рецензент

А. Михаляк, по мнению которой, «Пьеса без названия» это «...великолепно поставленный спектакль. Он построен из хорошо продуманных сцен, хотя некоторые из них слишком вежливы и размыты. Хотелось бы, считает Михаляк, подбросить к этому деморализованному миру чуть-чуть грязи, затемнить краски, чтобы до конца было как у Чехова» [17, с. 3].

Также уже упомянутый Я. Вакар в заглавии своей рецензии на постановку Глинской «Чехов безопасно правильный» очень метко охарактеризовал ее спектакль: «О спектаклях вроде «Пьеса без названия»... писать нелегко. Проект самолюбивый, роли в большинстве доработаны в деталях. Событие? К сожалению, нет, потому что постановке Глинской не хватает фантазии» [15, с. 4].

Таким образом, как следует из нашего краткого обзора, многие польские литературные критики в своих трудах подчеркивают достоинства и недостатки юношеской пьесы Чехова. Все они подчеркивают что вне всякого сомнения имеет она большое, положительное влияние на зрелую драматургию великого русского драматурга. Нельзя не отметить, что в польской литературной критике наметился путь сведения образа Платонова к образам Дон-Жуана, Арлекина [18], русского Гамлета [19]. При желании можно найти основания для такой трактовки этих образов, впрочем, их в рассмотренных работах довольно много. Между тем, Чехов сделал, кажется, всё, чтобы его главный персонаж как можно менее был похож на легендарных соблазнительей, при этом не повторяя ни одного из них. И хотя, как нам кажется, заглавный герой пьесы Чехова оказывается более сложным психологически, чем герои комедии дель арте, то с точки зрения его философских взглядов он значительно беднее, чем Дон Жуан или Гамлет.

Авторы рецензии на многие театральные постановки пьесы в Польше подчеркивают, что большинство из них поставлено вполне корректно, но как показывает театральная критика, ни одна из них не может претендовать на звание великой. К сожалению, ноги из них всего лишь правильны.

Список использованной литературы

1. Bober J. Komedia rozpaczy / J. Bober // «Gazeta Krakowska». – 1988. – № 36. – S. 5.
2. Fryz-Wiecek A. Gorzka komedia ludzka, «Gazeta Krakowska» / A. Fryz-Wiecek. – 1994. – № 140. – S. 3.
3. Konina T. W dwie strony «Płatonowa» / T. Konina // «Teatr». – 1996. – № 7/8. – S. 50–51.
4. Śliwowski R. Od Turgieniewa do Czechowa / R. Śliwowski. – Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1971. – 574 s.
5. Чехов А.П. Платонов / А.П. Чехов / Перевод Адама Тарна // «Dialog». – 1960. – № 11. – С. 12–38.
6. Koenig J. W stronę «Płatonowa» / J. Koenig // «Dialog». – 1962. – № 5. – S. 115–124.
7. Guze J. Sztuka o rosyjskim Don Juanie / J. Guze // «Współczesność». – 1962. – № 19. – S. 8–21.
8. Wirth A. Donjuanizm jako krytyka epoki / A. Wirth // «Nowa Kultura». – 1962. – № 37. – S. 11–19.
9. Śliwowski R., A. Czechow // Historia literatury rosyjskiej. Praca zbiorowa pod red. M. Jakóbca. – T.II. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. – S. 399–415.
10. Przybylski R. Czechow Antoni Pawłowicz. Wtajemniczenie w los / R. Przybylski // Szkice o dramatach. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1985. – S. 141–145.
11. Krzywicka D. «Płatonow» / D. Krzywicka // «Echo Krakowa». – 1988. – № 8. – S. 11–16.
12. Miklaszewski K. «Płatonow» czyli granice swobody / K. Miklaszewski // «Dziennik Polski». – 1988. – № 53. – S. 26–31.
13. Maślińska J. «Płatonow»: iluzje erotyzmu / J. Maślińska // «Życie Literackie». – 1994. – № 42. – S. 5–9.
14. Winnicka B. Drugi Płatonow Jarockiego / B. Winnicka // «Wiadomości Kulturalne». – 1996. – № 21. – S. 16.
15. Jacek Wakar. Czechow bezpiecznie poprawny / Jacek Wakar // Dziennik Gazeta Prawna. – № 249. – 22.XII.2009. – S. 4.

16. Stankiewicz-Podhorecka T. Przenikliwy Czechow // Nasz Dziennik. – № 304. – 30.XII.2009. – S. 3.
17. Michalak A. Galeria z Czechowa // Dziennik Gazeta Prawna. – № 251. – 24.XII.2009. – S. 3.
18. Kłosowicz J. Czechow i Arlekin / J. Kłosowicz // «Literatura». – 1977. – № 5. – S. 112–119.
19. Pawłowski R. Rosyjski Hamlet / R. Pawłowski // «Gazeta Wyborcza». – 1996/ 29. IV. – S. 10.

У статті зроблено спробу показати рецепцію юнацької драми А.П. Чехова «Платонов» у Польщі. Аналіз критичної літератури дозволяє дійти висновку, що польські літературні критики підкреслюють у своїх наукових працях вади та позитивні якості драми, відзначаючи при цьому, що вона дає початок великій, зрілій чехівській драматургії. Критики порівнюють образ головного героя п'єси з образом Дон Жуана, Арлекіна, російського Гамлета. Між тим вчені слушно підкреслюють, що Чехов зробив багато, щоб він не до кінця був схожий на легендарних спокусників.

Ключові слова: драматургічний твір, театральна постановка, конфлікт, комедія, характер героя, польська інтерпретація російської класики.

The paper attempts to show the reception of A.P. Chekhov's juvenile drama «Platonov» in Poland. Analysis of critical literature leads to the conclusion that Polish literary critics highlight in their works the strengths and weaknesses of the drama, remarking that it gives birth to Chekhov's great, mature dramaturgy. The critics compare the image of the protagonist of the play to the image of Don Juan, Arlequin, Russian Hamlet. Meanwhile, as scholars rightly stress, Chekhov did much to avoid his complete resemblance to the legendary seducers.

Key words: dramatic work, theatrical production, conflict, comedy, hero's character, Polish interpretation of Russian classics.

Надійшло до редакції 8.02.2011.